
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ 3:
НОВЫЙ РАССВЕТ
Кулижский Богдан
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
НОВО-КРАСНОЯРСК-3
МЫ ВЫСТОЯЛИ

Богдан Кулижский

Последний день на земле 3. Новый рассвет

«Автор»
2026

Кулижский Б. А.

Последний день на земле 3. Новый рассвет / Б. А. Кулижский — «Автор», 2026

Война окончена. Крылов мёртв. Но Костя Кузнецов не чувствует себя победителем. Он потерял слишком многих. Томаса, который прикрыл его собой в тоннеле «Северный-9». Питера, который так и не встал. Тридцать два человека, которых он повёл в бой и не смог вернуть. И теперь, когда оружие сложено, ему предстоит сделать то, чего он не умел никогда — жить. Строить. Растить сына. Быть не солдатом, а человеком.На поверхности, где когда-то был мёртвый мир, они строят город с нуля. Дома из обломков. Поля на пепелищах. Школу для детей, которые никогда не видели неба. Но прошлое не отпускает: Крылов оставил после себя не только смерть, но и страх. А в тоннелях всё ещё бродят сумеречные — и кто-то знает правду о том, откуда они взялись.Косте придётся выбрать: остаться лидером или отпустить власть. Довериться людям или контролировать всё. И понять, что настоящая победа — не в том, чтобы убить врага, а в том, чтобы построить мир, в котором твоим детям не придётся воевать.Он увидел конец войны.

© Кулижский Б. А., 2026
© Автор, 2026

Богдан Кулижский
Последний день на земле 3. Новый рассвет

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ 3: НОВЫЙ РАССВЕТ

Автор: Кулижский Богдан

- - - - - - - - - - - - - - - - -

ПРОЛОГ

Холм был зелёным.

Костя помнил его другим. Помнил выжженным. Помнил серым. Помнил мёртвым. Тогда на нём не росло ничего — только пепел, камни и трещины, из которых сочилась ржавая вода. Тогда на нём стояли кресты. Много крестов. Деревянных. Кривых. Без имён.

Теперь на холме росла трава. Настоящая. Живая. Зелёная. Как до войны. Как в детстве. Как в книгах, которые он читал внукам.

Он сидел на скамье у дома. Дом был старый. Деревянный. С крышей, которая давно прохудилась. Но крепкий. Как он сам. Как все. Как жизнь.

Ему было семьдесят три. Или семьдесят четыре. Он уже путал. Старость. Она приходила медленно. Сначала в коленях. Потом в спине. Потом в голове. Он забывал имена. Забывал лица. Забывал слова. Но помнил главное. Всегда. Пока дышал. Пока держался.

Солнце садилось за лес. Небо было багровым. Как тогда. Как в тот день. Как в тот последний день на земле. Но это был не тот багровый. Не злой. Не смертельный. Просто закат. Просто вечер. Просто жизнь.

— Дед, — позвал внук.

Мальчишка лет двенадцати. Худой. Веснушчатый. С разбитыми коленками. Как все мальчишки. Как Костя когда-то. Как Хью. Как Фат.

— Дед, ты чего?

Костя открыл глаза. Посмотрел на него. Долго. Потом улыбнулся. Слабо. Горько. Тепло.

— Ничего, — сказал он. — Просто думаю.

— О чём?

— Обо всём. — Костя помолчал. — О тебе. О твоём отце. О моём отце. О твоём прадеде. Обо всех. Обо всём.

Мальчишка сел рядом. На скамью. Взял его за руку. Рука была старая. Морщинистая. С шрамами. С пятнами. Как у всех стариков. Как у всех. Как у Фата.

— Расскажи, — попросил мальчишка. — Про войну. Про Сумеречных. Про прадеда.

Костя молчал. Долго. Потом начал. Медленно. Тихим голосом. Как всегда. Как солдат. Как человек, который делал то, что должен.

Он рассказал о Максиме. О его отце. О человеке, который вернулся с войны и обнаружил, что война вернулась с ним. О человеке, который дрался. Который умер. Который стал легендой. Он рассказал о Сумеречных. О бактерии. О мутации. О иммунитете. О том, что новое поколение не боится. Что Сумеречные исчезают. Медленно. Но исчезают. Он рассказал о Крылове. О войне. О победе. О суде. О справедливости. Он рассказал всё. Что помнил. Что знал. Что хотел передать.

Мальчишка слушал. Раскрыв рот. Как когда-то слушал Хью. Как когда-то слушал сам Костя. Как всегда. Как все.

— А ты был героем? — спросил мальчишка.

Костя усмехнулся. Горько. Тепло.

— Нет. Я был солдатом. Этого достаточно.

Он замолчал. Посмотрел на холм. На траву. На небо. На солнце. Потом сказал тихо:

— Я видел конец войны. Я видел, как САВ убирают радиацию. Как правительства возвращаются. Как жизнь начинается заново. Я не думал, что доживу. Но дожил. Ради тебя. Ради всех. Ради будущего.

Он закрыл глаза. Устал. Сильно. Больше, чем обычно. Сердце билось медленно. Старое. Больное. Слишком много битв. Слишком много потерь. Слишком много всего.

— Дед? — Мальчишка сжал его руку. — Дед, ты чего?

— Ничего, — прошептал Костя. — Просто... просто устал. Позови отца. Позови всех. Я хочу... я хочу, чтобы вы были здесь. Все. Когда я...

Он не договорил. Мальчишка понял. Побежал. Крикнул. Люди начали собираться. Семья. Дети. Внуки. Правнуки. Все. Кто был. Кто жил. Кто помнил.

Костя сидел на скамье. Смотрел на них. На их лица. На их глаза. В них была любовь. Настоящая. Глубокая. Как у всех. Он улыбнулся. Слабо. Горько. Тепло.

— Спасибо, — сказал он. — За всё. За жизнь. За любовь. За память. Я не подвёл. Я обещаю. Я не подвёл.

Он закрыл глаза. Сердце остановилось. Тихо. Без боли. Как всегда. Как солдат. Как человек, который делал то, что должен.

Его похоронили через три дня. На холме. Под старым дубом. Рядом с отцом. Рядом с матерью. Рядом с памятью. Вся семья была в сборе. Дети. Внуки. Правнуки. Все. Кто был. Кто жил. Кто помнил.

На камне написали: «КОНСТАНТИН КУЗНЕЦОВ. СЫН МАКСИМА. СЫН АНИ. СЫН ПОДЗЕМНОГО ГОРОДА. СЫН МЁРТВОГО МИРА. ОН ВИДЕЛ КОНЕЦ ВОЙНЫ. ОН УВИДЕЛ РАССВЕТ».

Мальчишка стоял у могилы. Долго. Смотрел на камень. На траву. На небо. Потом сказал тихо:

— Я запомню, дед. Обещаю. Я запомню.

Он не знал, сдержит ли обещание. Но он хотел верить. Он должен был верить. Как всегда. Как все. Как Костя. Как Фат.

А теперь вернёмся в начало. В тот день, когда всё началось. В тот день, когда Костя Кузнецов, сын Максима, сын Ани, стоял на пороге своей мастерской в Ново-Красноярске-3 и смотрел на улицу. На людей. На жизнь, которая шла своим чередом. Он не знал, что через несколько дней станет лидером. Не знал, что ему придётся вести людей. Не знал, что он увидит конец войны. Он просто стоял. И ждал. Как всегда. Как солдат. Как человек, который делает то, что должен.

Так началась эта история.

ЧАСТЬ I. НАСЛЕДИЕ

Глава 1. Пять лет

Сирена в Ново-Красноярске-3 была мягкой.

Три коротких гудка, пауза, ещё три. Она не выла, не давила на уши, не заставляла сердце биться чаще. Просто звала — тихо, мелодично, почти нежно. Костя слышал её каждое утро уже пять лет. И каждое утро просыпался за секунду до первого гудка.

Он лежал на спине, смотрел в потолок. Бетонные плиты, сетка, лампы дневного света. Пятно плесени в углу — оно росло медленно, но он замечал. Пора было чистить. Опять. Он говорил себе это каждое утро. И каждое утро забывал.

Мэри спала рядом. Она всегда спала спокойно — как человек, которому не снится война. Ей было двадцать три. Она выросла в «тройке», в благополучной семье, за высокими стенами, которые защищали от всего. Она не знала, что такое голод. Не знала, что такое смерть. Не знала, что такое страх. Она знала только мир. И Костя не собирался рассказывать ей об остальном.

Он не рассказывал никому.

Встал тихо. Умылся холодной водой — труба хрипела, потом выдала тонкую струйку. Он подставил ладони, плеснул в лицо. Посмотрел в зеркало. Трещина в углу. Отражение раздваивалось. Два Кости смотрели на него — один усталый, второй ещё более усталый.

На заводе его любили. Молодой, спокойный, надёжный. Он не пил, не дрался, не спорил. Бригадир Гнатюк говорил: «С таким, как Костя, хоть в разведку». Костя слышал это и молчал. Он знал: если бы Гнатюк узнал, откуда он на самом деле, он бы так не говорил.

Он работал сварщиком. Руки помнили. Металл, огонь, искры. Это было просто. Это было честно. Это было нужно. Он варил каркасы для новых домов, чинил трубы, ремонтировал вентиляцию. Он не думал о войне. Не думал о прошлом. Не думал ни о чём. Просто работал.

Иногда, впрочем, не получалось.

— Костя! — окликнул его Гнатюк. — Ты чего застыл? Электрод горит!

Костя очнулся. Посмотрел на свою руку. Электрод действительно горел впустую, плавя воздух. Он выключил аппарат. Снял маску.

— Прости. Задумался.

— О чём?

— Да так. Ни о чём.

Гнатюк посмотрел на него. Долго. Потом хмыкнул.

— Ты странный, Костя. Работаешь как зверь, а глаза — как у старика. Как будто ты войну прошёл. А ты же молодой. Сколько тебе?

— Двадцать три.

— Двадцать три. А глаза — на сорок. — Гнатюк покачал головой. — Ладно. Иди обедать. И не застывай больше.

Костя кивнул. Пошёл в столовую. Взял суп, хлеб, чай. Сел в углу. Один.

Он всегда ел один. Не потому, что не любил людей. Потому, что не знал, о чём с ними говорить. О погоде? О заводе? О жизни? Он не умел. Он умел говорить о войне. О смерти. О страхе. Но об этом не говорили. Об этом молчали.

К нему подсела девушка.

— Можно?

Он поднял глаза. Увидел её. Мэри. Дочь члена совета. Он знал её в лицо — её семья была из «благополучных». Она улыбалась. Открыто. Просто. Как человек, который не знает, что такое боль.

— Можно, — сказал он.

Она села. Начала говорить. О пустяках. О погоде. О заводе. О жизни. Он слушал. Молчал. Отвечал односложно. Она не обижалась. Не отступала. Она была настойчивой. Как все, кто привык получать то, что хочет.

Они начали встречаться. Через месяц. Через два. Через полгода.

Она не спрашивала о прошлом. Не лезла в душу. Просто была рядом. И Костя позволил ей быть рядом. Потому что устал быть один. Потому что хотел хотя бы попробовать. Хотя бы раз.

Но он не рассказывал. Не мог. Не хотел. Он боялся. Не за себя. За неё. Если Крылов узнает, кто он, — он придёт. И убьёт всех. И тогда Костя снова будет виноват. Снова. Как всегда.

Прошло пять лет.

Пять лет тихой жизни. Пять лет без войны. Пять лет без страха. Почти.

Он всё ещё просыпался по ночам. Смотрел в потолок. Слушал. Ждал. Шагов. Криков. Выстрелов. Ничего не было. Только дыхание Мэри. Только гул вентиляции. Только тишина. Он закрывал глаза. И засыпал. До следующей ночи.

А потом старый лидер «тройки» умер.

Он умер тихо. Во сне. Ему было семьдесят. Сердце. Его похоронили на холме. За городом. Под старым дубом. Без имени. Без памяти. Как всех. Как всегда.

Совет собрался через день. Нужно было выбрать нового лидера. Кандидатов было трое. Все — старые. Опытные. Уважаемые. Все — из «благополучных» семей. Все — из совета.

Костя не был кандидатом. Он был никем. Простым сварщиком. Молодым. Безродным. Без прошлого. Без будущего. Он не думал о власти. Не хотел её. Не стремился к ней.

Но совет выбрал его.

Он узнал об этом вечером. Когда пришёл домой. Мэри ждала его. Бледная. С красными глазами. Она уже знала.

— Тебя выбрали, — сказала она. Не вопрос. Утверждение.

— Как?

— Совет голосовал. Три раза. Первые два — поровну. Третий — за тебя. Они говорят, что ты — единственный, кто может объединить людей. Что ты — сын Максима. Что ты — память. Что ты — надежда.

Костя молчал. Он не знал, что сказать. Он никогда не знал.

— Я не хочу, — сказал он.

— Знаю.

— Я не умею.

— Умеешь.

— Я не...

— Ты — сын Максима, — сказала Мэри. — Ты — тот, кто вывел людей из «двойки». Ты — тот, кто спас нас. Ты — тот, кто может. Ты просто не знаешь. Но ты можешь.

Костя смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них была вера. Настоящая. Глубокая. Как у всех, кто знал его отца. Он кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я попробую.

Он не знал, сдержит ли обещание. Но он хотел верить. Он должен был верить.

Ночью он не спал. Сидел на кухне. Смотрел в стену. Думал. О Максиме. О Ане. О всех, кто остался в «двойке». О всех, кто умер. О всех, кто жил. Он думал: что бы сказал отец? Что бы сделал? Как бы поступил? Он не знал ответа. Он знал только одно: он должен быть достойным. Сыном. Лидером. Человеком.

Мэри вышла к нему. Села рядом. Взяла за руку. Молчала. Долго. Потом сказала:

— Ты справишься.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты — Костя. Этого достаточно.

Он посмотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них была любовь. Настоящая. Глубокая. Он улыбнулся. Слабо. Горько. Тепло.

— Спасибо, — сказал он. — Я не заслуживаю.

— Заслуживаешь.

Они сидели так до утра. Молчали. Смотрели в стену. Ждали. Рассвета. Жизни. Которая должна была измениться.

Глава 2. Лидер

Первое утро началось с очереди.

Костя стоял в коридоре совета — длинном, с низким потолком, с лампами, которые гудели, как пчёлы. Перед ним была дверь. За дверью — кабинет. Его кабинет. Он не хотел туда входить. Не знал, что там делать. Но люди уже стояли в очереди. С самого утра.

Первым вошёл старик. Сгорбленный. С палкой. С усталыми глазами.

— Милорд. У меня вода не идёт. Труба лопнула. Третий день без воды. Жена больна. Дети плачут. Я не знаю, что делать.

Костя смотрел на него. На его руки. На его глаза. В них была усталость. И страх. И что-то ещё. Надежда. Слабая. Едва заметная.

— Как вас зовут? — спросил Костя.

— Томас, милорд.

— Томас. Я пришлю людей. Сегодня. Они починят трубу. Понял?

Старик кивнул. Не улыбнулся. Не заплакал. Просто кивнул. И вышел.

Следующим был мужчина. Молодой. Злой. С перевязанной рукой.

— Милорд. На заводе несчастный случай. Станок сломался. Двое ранены. Один — тяжело. Нужен врач. Нужны лекарства.

— Кто ты?

— Джон. Бригадир. Смена моя. Я отвечаю.

— Хорошо. Врача пришлю. Лекарства тоже. Станок починим.

Джон кивнул. Вышел.

Очередь не кончалась. Люди шли. Один за другим. С проблемами. С просьбами. С жалобами. Костя слушал. Записывал. Помогал. Он не знал, правильно ли делает. Не знал, хватит ли ресурсов. Не знал, справится ли. Но он делал.

К вечеру он сидел за столом. Один. В кабинете. Голова гудела. Руки дрожали. Он не ел весь день. Не пил. Не отдыхал. Он просто сидел. И смотрел на бумаги. На списки. На цифры.

Дверь открылась. Вошла Мэри. С подносом. С едой. С чаем. Она поставила поднос на стол. Села напротив. Молчала. Долго. Потом сказала:

— Ты не ел.

— Не хотел.

— Надо.

— Знаю.

Она взяла его за руку. Сжала. Крепко.

— Ты справишься, — сказала она. — Я знаю.

Костя посмотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них была вера. Настоящая. Глубокая. Как у всех, кто знал его отца. Он кивнул.

— Справлюсь.

Он взял ложку. Начал есть. Медленно. Без аппетита. Но ел. Потому что должен был. Потому что иначе — не сможет. А он должен был.

Через неделю он понял: быть лидером — это не про власть. Это про ответственность. Про людей. Про их проблемы. Про их жизни. Он не спал ночами. Не ел днём. Он ходил по городу. Смотрел. Слушал. Помогал. Он не был лидером. Он был отцом. Для всех. Для каждого. Для всего города.

Он уставал. Сильно. Больше, чем в бою. Но он не сдавался. Не мог. Не имел права.

Однажды вечером он сидел на краю платформы — в самом дальнем тоннеле «тройки», где почти не было людей. Смотрел в темноту. Думал. О Максиме. О Ане. О всех, кто остался в «двойке». О всех, кто умер. О всех, кто жил. Он думал: что бы сказал отец? Что бы сделал? Как бы поступил? Он не знал ответа. Он знал только одно: он должен быть достойным. Сыном. Лидером. Человеком.

Мэри нашла его там. Села рядом. Взяла за руку. Молчала. Долго. Потом сказала:

— Ты думаешь о нём?

— О ком?

— О твоём отце.

Костя молчал. Он не говорил о Максиме. Никогда. Даже с ней. Слишком больно. Слишком страшно.

— Думаю, — сказал он тихо. — Каждый день. Каждую ночь. Иногда мне кажется, что он рядом. Что он смотрит на меня. Что он говорит: «Держись, сын. Ты справишься». — Он помолчал. — Глупо, да?

— Не глупо, — сказала Мэри. — Я тоже так думаю. О своей матери. Иногда.

Они сидели молча. Долго. Смотрели в темноту. Держались за руки.

Потом Костя сказал:

— Я не хочу быть лидером. Не хочу власти. Не хочу ответственности. Я хочу только одного: чтобы люди жили. Чтобы они не боялись. Чтобы они не умирали. Чтобы они были счастливы.

— Тогда будь лидером, — сказала Мэри. — Потому что без лидера они не будут счастливы. Они будут бояться. Они будут умирать.

— Знаю, — сказал Костя. — Поэтому я и согласился.

Он встал. Посмотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них была любовь. Настоящая. Глубокая. Он улыбнулся. Слабо. Горько. Тепло.

— Пошли, — сказал он. — Надо работать.

Они пошли. В город. К людям. К жизни.

Но работа не задалась с самого начала.

На третий день он сорвался.

Пришёл мужик — здоровый, с бычьей шеей, с красными глазами. Начал кричать. Требовать. Говорить, что Костя — мальчишка. Что он не справляется. Что он всё развалит.

Костя слушал. Молчал. Долго. Потом встал. Медленно. Подошёл к мужику. Взял за грудки. Поднял. Прижал к стене.

— Ещё раз, — сказал он тихо. — Ещё раз откроешь рот. И я тебя вышвырну. Понял?

Мужик побледнел. Закивал. Костя отпустил его. Тот выбежал. Как всегда. Как все.

Мэри стояла в дверях. Смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Ты чего?

— Ничего.

— Ты сорвался.

— Знаю.

— Так нельзя.

— Знаю.

— Ты — лидер. Ты не можешь...

— Я знаю! — Костя ударил кулаком по столу. Бумаги разлетелись. — Я знаю, что не могу! Но я не умею иначе! Я не умею быть лидером! Я не умею говорить красиво! Я не умею успо-

каивать! Я умею только драться! Только убивать! Только... — он замолчал. Опустил голову. — Прости. Я не хотел.

Мэри подошла. Обняла его. Крепко.

— Я знаю, — сказала она. — Я знаю.

Он стоял. Молчал. Дрожал. Как всегда. Как все.

Потом сказал:

— Я не хочу быть таким. Как отец. Как все. Я не хочу быть жёстким. Не хочу быть злым. Не хочу...

— Ты не злой, — сказала Мэри. — Ты устал. Ты боишься. Ты не умеешь просить помощь. Это не злость. Это страх.

Костя посмотрел на неё. Долго. Потом кивнул.

— Может, ты права.

— Я всегда права.

Он усмехнулся. Слабо. Горько. Тепло.

— Пошли, — сказал он. — Надо работать. И... прости.

— Прощаю.

Они пошли. В город. К людям. К жизни.

Глава 3. Тяжесть

Проблемы начались на третью неделю.

Сначала это была вода. Трубы в старых тоннелях износились — ржавые, покрытые налётом, они текли в нескольких местах одновременно. Костя посылал людей, они чинили. Через день текло в другом месте. Он посылал снова. И снова. Это было как затыкать дыры в лодке, которая тонет.

Потом кончилась мука. Гидропонные фермы давали зелень, но зерно приходилось экономить. Костя урезал пайки. Люди начали роптать. Пока тихо. Пока шёпотом. Но он слышал. Он всегда слышал.

Потом пришли разведчики.

Их было двое. Молодые. Усталые. С грязными лицами. Они вернулись с верхних уровней — тех, что вели к поверхности. Костя принял их в кабинете. Один — высокий, с перевязанной рукой. Второй — моложе, с испуганными глазами.

— Говорите, — сказал Костя.

Высокий шагнул вперёд.

— Мы были на верхних уровнях. Проверяли тоннели. Всё как обычно. Сумеречных мало. Днём они не выходят. Но... — он замолчал.

— Что?

— Мы нашли следы. Люди. Не наши. Обувь. Отпечатки. Свежие. Много. Они шли с севера. В сторону «двойки». Или из «двойки». Мы не поняли.

Костя молчал. Он смотрел на карту. На стену. На линии, которые вели от «тройки» к «двойке». К Крылову. К войне. Которая должна была прийти. Рано или поздно.

— Сколько? — спросил он.

— Не знаем. Много. Больше, чем мы. Намного больше.

Костя кивнул. Он не удивился. Он ждал этого. Знал, что Крылов не остановится. Знал, что он придёт.

— Хорошо, — сказал он. — Идите. Отдыхайте. Завтра соберём совет.

Разведчики ушли. Костя остался один. Сидел за столом. Смотрел на карту. Думал. Крылов. Человек, который предал его отца. Который стал начальником разведки у диктатора. Который захватил власть в «двойке». Который знает, кто такой Костя. Который хочет его смерти. Не потому, что Костя опасен. А потому, что Костя — сын Максима.

Крылов был сложнее, чем казалось.

Костя помнил его по рассказам отца. Крылов не был злодеем. Не был садистом. Он был офицером. Хорошим офицером. Он воевал. Он терял людей. Он делал то, что считал правильным. А потом Тихонов пришёл к власти. И Крылов выбрал его. Не из страха. Из убеждения. Он считал, что демократия — это хаос. Что люди не умеют управлять собой. Что нужна жёсткая рука. Что только так можно выжить.

Максим не согласился. Максим ушёл. Крылов остался. И с тех пор он ненавидел Максима. Не за то, что тот ушёл. За то, что тот был прав. За то, что его выбор оказался лучше. За то, что он выжил. За то, что он стал легендой. А Крылов остался в тени. Навсегда.

Костя знал это. Чувствовал. Как всегда.

Совет собрался утром.

Восемь человек. Старые. Опытные. Уважаемые. Они сидели за длинным столом. Смотрели на Костю. Ждали.

Костя стоял. Хромой. Опираясь на палку. Смотрел на них.

— Крылов идёт, — сказал он. — Разведка донесла. Люди. Много. С севера. В сторону «тройки». Или «двойки». Мы не знаем точно. Но он идёт. И он не остановится. Пока не уничтожит нас. Всех. До последнего.

Совет молчал. Долго. Потом Эдвард сказал:

— Что будем делать?

— Готовиться, — сказал Костя. — Укреплять оборону. Собирать людей. Учить их драться. Как когда-то учил мой отец.

— У нас нет армии, — сказал другой. — У нас нет оружия. У нас нет...

— Есть, — перебил Костя. — У нас есть люди. Есть тоннели. Есть время. Пока Крылов собирает силы. Пока он идёт. Мы можем подготовиться. Мы можем драться. Не так, как он хочет. А так, как мы умеем. Из засад. Из темноты. Из-за угла.

Совет молчал. Потом Эдвард сказал:

— Ты поведёшь нас?

Костя помолчал. Посмотрел на них. На их лица. На их глаза. В них была вера. Настоящая. Глубокая. Как у всех, кто знал его отца. Он кивнул.

— Поведу, — сказал он. — Как всегда. Как мой отец.

После совета он пошёл на завод. Не как лидер. Как сварщик. Он взял маску. Электрод. Начал варить. Металл плавился. Искры летели. Он работал. Долго. До вечера. Потом снял маску. Посмотрел на свою работу. На шов. Ровный. Крепкий. Надёжный. Как он сам. Как его отец.

Мэри пришла вечером. Села рядом. Молчала. Долго. Потом сказала:

— Ты устал.

— Устал.

— Ты не должен всё делать сам.

— Должен. Я — лидер. Я отвечаю.

— Ты — человек. Не бог. Не солдат. Не отец всех. Просто человек. Который может уставать. Который может ошибаться.

— Знаю, — сказал Костя. — Но я не могу иначе. Не умею.

Мэри взяла его за руку. Сжала. Крепко.

— Тогда я буду рядом, — сказала она. — Всегда. Чтобы ты не забывал. Что ты — человек. Не бог. Не солдат. Просто Костя. Мой Костя.

Он посмотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них была любовь. Настоящая. Глубокая. Он улыбнулся. Слабо. Горько. Тепло.

— Спасибо, — сказал он. — Я не заслуживаю.

— Заслуживаешь, — сказала она. — Ты — Костя. Этого достаточно.

Они сидели на заводе. Среди металла и искр. Молчали. Держались за руки.

Но Костя знал: этого недостаточно. Недостаточно быть просто Костей. Нужно быть лидером. Нужно быть сыном Максима. Нужно быть тем, кем его хотели видеть. Он не мог позволить себе слабость. Не мог позволить себе страх. Не мог позволить себе быть человеком.

Он встал. Отряхнул руки.

— Пошли, — сказал он. — Надо работать. У нас мало времени. Крылов не будет ждать.

Мэри кивнула. Она не спорила. Она знала: бесполезно. Костя уже решил. Он всегда решает сам.

Часть II. Тени прошлого

Глава 4. Решение

Костя не спал три ночи.

Он ходил по тоннелям. Вверх и вниз. Мимо складов, мимо сторожевых постов, мимо людей, которые кивали ему и отводили глаза. Он не отвечал на кивки. Не смотрел в глаза. Он просто шёл. Считал шаги. Считал трещины в стенах. Считал всё, что можно было считать, чтобы не думать о том, что он собирался сделать.

На четвёртую ночь Мэри не выдержала.

— Хватит, — сказала она. — Ты не спишь. Не ешь. Не говоришь. Что происходит?

Костя стоял у окна. Смотрел в коридор. Долго молчал. Потом сказал:

— Я должен уйти.

— Куда?

— На базу. «Восток-7». За ответами.

Мэри села на кровать. Медленно. Как будто у неё подкосились ноги.

— За какими ответами?

— О Сумеречных. О бактерии. О том, что с ними происходит. Разведчики говорят, они меняются. Собираются в группы. Мигрируют. Идут куда-то. Я не знаю, куда и зачем. Но я должен узнать. Пока они не узнали нас.

— И ты решил идти сам. В самое опасное место на поверхности. За ответами, которых может не быть.

— Да.

— Почему ты?

Костя повернулся. Посмотрел на неё. В его глазах не было уверенности. Не было благородства. Была усталость. И страх. Тот самый страх, который он прятал от всех. Даже от себя.

— Потому что я не могу сидеть, — сказал он. — Не могу ждать. Не могу смотреть, как они готовятся к войне, и ничего не делать. Я знаю, что это глупо. Знаю, что могу не вернуться. Знаю, что рискую всем. Но я не могу иначе. Понимаешь? Не могу.

Мэри молчала. Долго. Потом сказала:

— Я пойду с тобой.

— Нет.

— Я не спрашиваю.

— Мэри...

— Я не останусь здесь. Не буду ждать. Не буду молиться. Я пойду с тобой. Или ты пойдёшь со мной. Решай.

Костя смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них была решимость. Та самая, которую он видел у отца. У всех, кто дрался.

— Хорошо, — сказал он. — Но если что-то случится — ты вернёшься. Не будешь геройствовать. Не будешь спасать. Просто вернёшься.

— Хорошо.

Он не поверил. Она не поверила. Но они оба сделали вид, что договорились.

Совет собрался утром.

Костя вошёл в кабинет. Хромой. Опираясь на палку. Сел во главе стола. Посмотрел на них. На их лица. На их глаза. В них была усталость. И страх. И что-то ещё. Надежда. Слабая. Едва заметная.

— Я ухожу, — сказал он. — На базу. «Восток-7». С группой. Пять человек. Может, шесть. Разведчики. Учёные. Врачи. Те, кто сможет понять. Те, кто сможет помочь.

Совет молчал. Потом Эдвард сказал:

— Это опасно.

— Знаю.

— Ты можешь не вернуться.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Костя помолчал. Посмотрел на них. Долго. Потом сказал:

— Потому что кто-то должен. Потому что если не я — то кто? Потому что если мы не будем знать — мы не сможем бороться. Не только с Крыловым. С Сумеречными. С тем, что идёт. Я не хочу, чтобы мои дети жили в страхе. Я не хочу, чтобы они умирали. Я хочу, чтобы они знали. Чтобы они понимали. Чтобы они могли бороться.

Эдвард кивнул. Медленно. Неохотно.

— Хорошо. Иди. Но вернись.

— Вернусь.

Он вышел. В коридоре его ждала Мэри. Она уже знала. Она всегда знала. Смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Ты не сказал им, что я иду.

— Не сказал.

— Почему?

— Потому что они бы отговорили. Или запретили. Или...

— Или что?

Костя подошёл к ней. Взял за руку. Посмотрел в глаза. Долго. Потом сказал:

— Я не хочу тебя терять. Не хочу, чтобы ты рисковала. Не хочу, чтобы ты умирала. Но я знаю: ты пойдёшь. Всё равно. Поэтому я не буду тратить время на споры. Мы идём вместе. Но если что-то случится — ты вернёшься. Слышишь? Вернёшься. Не будешь спасать. Не будешь геройствовать. Просто вернёшься.

— Слышу.

Он обнял её. Крепко. Как в последний раз. Может, так и было.

Группа собралась через день.

Шесть человек. Костя. Мэри. Двое разведчиков — Томас и Джон. Врач — старик по фамилии Григорьев. И Анна — молодая женщина, которая изучала бактерии. Она была единственной, кто мог понять то, что они найдут. Если найдут.

Анна пришла последней. Бледная. С папкой в руках. Смотрела на них. Долго. Потом сказала:

— Я нашла кое-что. В старых записях. Ещё до того, как мы ушли из «двойки». Там были обрывки. Немного. Но... — она замолчала.

— Что? — спросил Костя.

— Иммунитет. У нового поколения. Тех, кто родился после войны. Бактерия у них не активируется. Или активируется не так. Я не знаю точно. Но это может быть важно.

— Это правда?

— Не знаю. Поэтому и иду. Хочу проверить.

Костя кивнул. Он не удивился. Не обрадовался. Он просто кивнул. И сказал:

— Тогда идём.

Они вышли на рассвете.

Через старый шлюз. В тоннели. В темноту. Костя шёл первым. Хромой. Опираясь на палку. Как когда-то его отец. Он не оборачивался. Знал: если обернётся — увидит город. Людей. Жизнь, которую оставлял. А он не хотел видеть. Не сейчас.

За его спиной остался Ново-Красноярск-3. Осталась жизнь. Осталась память. Осталось всё, что он любил. Осталось всё, что он терял.

Он не обернулся. Он пошёл вперёд.
Дорога через тоннели заняла три дня.

Первый день прошёл в молчании. Они шли гуськом — Костя впереди, Томас замыкающим, — и каждый шаг отдавался эхом в пустоте. Лампы на потолке попадались всё реже, потом исчезли совсем. Пришлось зажечь факелы. Пламя отбрасывало на стены кривые тени, и эти тени двигались быстрее, чем люди. Костя старался не смотреть на них.

На второй день пошли лужи. Тёмные, неподвижные, с маслянистой плёнкой на поверхности. Джон наступил в одну и выругался — вода была ледяной и воняла так, будто в ней что-то умерло. Может, и умерло. Костя приказал идти по краю.

К вечеру второго дня они услышали шорох.

Он был слабым — как будто кто-то скрёб когтями по бетону где-то далеко, за поворотом. Все остановились. Томас поднял арбалет. Анна вцепилась в папку так, что побелели костяшки. Мэри нашла руку Кости и сжала.

Шорох повторился. Ближе.

Костя показал рукой: назад. Медленно. Без резких движений. Они попятились. Шорох усилился. Потом стих. Потом из темноты вынырнуло что-то серое, длинное, сгорбленное. Оно двигалось неровно, дёргано, как марионетка, у которой запутались нити. Жёлтые глаза горели в свете факела.

Сумеречный.

Он остановился. Наклонил голову. Посмотрел на них. Долго. Слишком долго для существа, у которого не осталось ничего человеческого. Костя ждал броска. Считал секунды. Одна. Две. Три.

Сумеречный повернулся. Ушёл. Просто ушёл — в стену, в щель, в темноту. Как будто его и не было.

— Он нас видел, — прошептал Джон. Голос у него дрожал.

— Видел, — сказал Костя.

— Почему не напал?

Костя не ответил. Он смотрел на Анну. Она уже достала блокнот и что-то писала — быстро, криво, при свете факела.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Записываю, — сказала она. — Это третий случай за месяц. Когда Сумеречный видит людей и не атакует. Раньше такого не было.

— И что это значит?

— Не знаю. — Она подняла глаза. — Может, они меняются. Может, что-то происходит с бактерией. Может, они ищут что-то другое. Не нас.

— Что?

— Если бы я знала, я бы не шла на базу.

Они пошли дальше. Быстрее, чем раньше. Молча.

На третий день тоннель сузился. Пришлось снять рюкзаки и идти боком. Стены были влажными, скользкими, покрытыми тем же серым налётом, который Костя видел на базе. Он

старался не касаться его. Пахло плесенью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Тем самым запахом. Запахом смерти.

К полудню они вышли к развилке. Томас сверился с картой — старой, нарисованной от руки, с пометками, которые уже начали стираться.

— Налево, — сказал он. — Через два часа будем на месте.

Они повернули налево.

База появилась внезапно. Сначала — свет. Серый, тусклый, пробивающийся через щели в потолке. Потом — запах. Потом — тишина. Такая густая, что закладывало уши.

Костя вышел первым. Остановился. Посмотрел.

Ангар. Огромный, с ржавыми балками, с лужами на полу. Везде — обломки. Бетон. Металл. Стекло. И тела. Солдаты в истлевших мундирах. С оружием в руках. Они лежали там, где их застала смерть — кто-то у стены, кто-то посреди зала, кто-то у входа. Костя старался не считать. Не хотел знать, сколько их.

— Осторожно, — сказал он. — Смотрите под ноги.

Они пошли вперёд. Медленно. Анна светила фонариком. Луч выхватывал из темноты двери, коридоры, лестницы. Всё было разрушено. Взорвано. Сожжено. Как будто здесь прошла война. Или что-то хуже.

— Это здесь, — сказала Мэри тихо. — Здесь твой отец был.

Костя кивнул. Он знал. Здесь Максим впервые увидел Сумеречных. Здесь погибли Кузьмин и Леша. Здесь его ранили. Здесь он выжил. Чудом.

Они нашли бункер управления через час. Стальная дверь была приоткрыта. Внутри — темнота. И запах. Тот самый. Костя толкнул дверь. Вошёл.

Коридор. Комнаты. Столы. Стулья. Везде — бумаги. Документы. Папки. Всё разбросано. Порвано. Сожжено. Как будто кто-то искал что-то. Или уничтожал. Или и то, и другое.

— Архив должен быть в подвале, — сказала Анна. — Там хранили документы. Медицинские. Научные. Всё, что связано с Сумеречными.

— Откуда ты знаешь? — спросил Костя.

— Читала. В «тройке». В старых бумагах. Кто-то из учёных успел передать данные. До того, как базу уничтожили. Немного. Обрывки. Но достаточно, чтобы понять: здесь было что-то важное.

Они спустились в подвал. По узкой лестнице. В темноту. В холод. Костя шёл первым. Мэри — за ним. Держалась за его руку.

Подвал был большим. С низким потолком. С рядами стеллажей. С коробками. С папками. Всё покрыто пылью и плесенью. Но оно было здесь. Всё было здесь. Архив. Ответы. Правда.

— Начинаем, — сказал Костя. — Анна — ты главная. Ищи всё, что связано с Сумеречными. Григорьев — помоги ей. Остальные — охраняйте. Мы не одни здесь.

Они работали весь день и всю ночь.

К утру Анна нашла это.

— Костя, — позвала она. — Иди сюда.

Он подошёл. Она сидела на полу. Среди бумаг. С красными глазами. С бледным лицом. В руках — папка. Толстая. С надписью: «ПРОЕКТ "ФЕНИКС". БАКТЕРИЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ. 1248–1250».

— Что это? — спросил он.

— Это... — она замолчала. — Это объясняет всё. Бактерия. Она есть у всех людей. У тебя. У меня. У всех. Она живёт в нас. Всегда. С рождения. Но она спит. Пока мы живы. Пока мы дышим.

— Пока мы не умрём, — сказал Костя.

— Да. — Анна посмотрела на него. — Когда человек умирает — бактерия активируется. Она берёт контроль над телом. Мутирует его. Делает Сумеречным.

Костя молчал. Он смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них был страх. И что-то ещё. Понимание.

— Но есть одно, — продолжила Анна. — То, что мы не знали. То, что они скрывали. — Она достала другой документ. — У нового поколения есть иммунитет. Не у всех. Не полностью. Но есть. Те, кто родился после войны. У них бактерия не активируется так, как у нас. Она остаётся спящей. Дольше. Иногда — навсегда.

— То есть Сумеречные исчезают?

— Не совсем. — Анна покачала головой. — Иммунитет неполный. Он замедляет процесс. Но не останавливает. Некоторые всё равно превращаются. Через годы. Через десятилетия. Но их становится меньше. Намного меньше. И это значит...

— Что это значит?

— Что у нас есть время. — Она посмотрела на него. — Не много. Но есть. Мы можем успеть. Если поймём, как работает иммунитет. Если научимся его усиливать. Если найдём способ останавливать бактерию. Тогда Сумеречные исчезнут. Совсем. Навсегда.

Костя стоял. Смотрел на неё. На документы. На правду, которая была здесь. Всё это время. В этом подвале. В этих бумагах. В этой папке. Он думал: вот оно. Вот ответ. Вот надежда. Не меч. Не пуля. Знание. Правда.

— Мы должны рассказать всем, — сказал он. — Всем городам. Всем людям. Они должны знать. Что Сумеречные — не вечные. Что они исчезнут. Что есть надежда.

— Крылов знает, — сказала Мэри. Она стояла в дверях. Бледная. — Он был здесь. Он видел эти документы. Он знает, что Сумеречные исчезают. Но он не хочет, чтобы они исчезли. Он хочет использовать их. Пока они есть. Пока они опасны. Пока они — оружие. Он хочет войны. Он хочет власти.

— Знаю, — сказал Костя. — Поэтому мы должны остановить его. Не только мечом. Правдой. Знанием.

Он взял папку. Убрал в сумку. Посмотрел на своих людей. На их лица. На их глаза. В них была усталость. И страх. И что-то ещё. Надежда. Настоящая. Глубокая.

— Пошли, — сказал он. — Нам надо вернуться. У нас есть работа. У нас есть правда. У нас есть будущее. Которое мы должны построить.

Глава 6. Возвращение

Обратный путь занял четыре дня.

Они шли медленнее, чем раньше. Не потому, что устали — хотя устали все, до дрожи в коленях. Потому что Анна несла папку с документами, как самое дорогое, что у неё было, и отказывалась передать её кому-либо. Она прижимала её к груди, как ребёнка, и на привалах не выпускала из рук. Костя не спорил. Он понимал.

На второй день они наткнулись на тела.

Трое. Крыловские. Судя по нашивкам — разведчики. Мёртвые уже несколько дней. Их не тронули ни крысы, ни Сумеречные. Костя остановился. Посмотрел. Долго.

— Это наши, — сказал Томас. — Из «тройки». Мы их посылали наверх. Неделю назад. Они не вернулись.

Костя присел. Посмотрел на лица. Молодые. Один — совсем мальчишка, лет семнадцати. С веснушками. С открытыми глазами. Как будто удивлённый. Как будто не верил, что это случится с ним.

— Мы не можем их похоронить, — сказал Джон тихо. — Нет времени. Нет инструментов.

— Можем, — сказал Костя. — Немного времени есть.

Они выдолбили нишу в стене — камнями, ножами, руками. Положили тела. Заложили камнями. Костя стоял у ниши. Молчал. Потом сказал:

— Простите. Я не должен был вас посылать. Я знал, что там опасно. Но я послал. Потому что мне нужны были ответы. Простите.

Никто не ответил. Мёртвые не отвечают.

Мэри подошла. Взяла за руку. Молчала. Долго. Потом сказала:

— Ты не виноват.

— Виноват, — сказал Костя. — Я всегда виноват. Я посылаю людей. Они умирают. А я остаюсь жив. Как всегда.

— Ты не можешь всех спасти.

— Могу. Если бы думал лучше. Если бы планировал лучше. Если бы не был таким...

Он замолчал. Не договорил. Мэри не стала спрашивать.

На третий день они увидели свет. Тусклый. Жёлтый. Лампы на потолке. Шлюз. Ворота. «Тройка».

Их встретили у ворот. Томас — старый разведчик, который остался за главного. Бледный. Запыхавшийся. С трясущимися руками.

— Милорд. Слава Богу. Мы думали, вы не вернётесь.

— Вернулись, — сказал Костя. — Что случилось?

— Плохие новости. — Томас помолчал. — Крылов. Он прислал посланника. С письмом. Пока вас не было. Он требует, чтобы мы сдались. Добровольно. Иначе он придёт. С армией. Со всем, что у него есть. Он даёт нам три недели. Три недели на то, чтобы решить. Сдаться или умереть.

Костя взял письмо. Развернул. Прочитал. Медленно. Потом перечитал. Потом ещё раз.

Письмо было коротким. Крылов не любил длинных речей. Но в нём было кое-что, чего Костя не ожидал. В конце — приписка, сделанная от руки, кривыми буквами:

«Я знаю, что ты не сдашься. Ты такой же, как твой отец. Я знал его. Он был хорошим человеком. И он умер. Потому что был хорошим. Ты умрёшь так же. Потому что ты не умеешь иначе. Я не желаю тебе зла. Я просто хочу, чтобы ты понял: твой путь — это путь смерти. Мой путь — это путь жизни. Даже если он жестокий. Даже если он неправильный. Но он работает. А твой — нет».

Костя смял письмо. Сунул в карман. Посмотрел на Томаса. На его лицо. На его глаза. В них была усталость. И страх. И что-то ещё. Надежда. Слабая. Едва заметная.

— Три недели, — сказал Костя. — Хорошо. Значит, у нас есть три недели. Собирай совет. Всех. Через час.

Томас кивнул. Ушёл. Костя повернулся к своим. К Мэри. К Анне. К врачу. К разведчикам.

— Вы знаете, что делать, — сказал он. — Анна — ты готовишь доклад. Всё, что мы нашли. Коротко. Чётко. Врач — помогаешь ей. Остальные — отдыхайте. Один час. Потом — совет.

Они кивнули. Разошлись. Костя остался у ворот. Смотрел на город. На людей. На жизнь. Он думал: Крылов прав. Я не умею иначе. Я иду на смерть. Как отец. Как все. Но я не могу остановиться. Не могу свернуть. Не могу предать тех, кто умер. Тех, кто жив. Тех, кто ждёт.

Совет собрался через час.

Восемь человек. Старые. Опытные. Уважаемые. Они сидели за длинным столом. Смотрели на Костю. Ждали.

Костя стоял. Хромой. Опираясь на палку. Смотрел на них.

— Крылов даёт нам три недели, — сказал он. — Три недели на то, чтобы сдаться. Или умереть. Он думает, что мы испугаемся. Что мы сдадимся. Что мы не выстоим. Он ошибается. Мы не сдадимся. Мы будем драться.

Совет молчал. Потом Эдвард сказал:

— Как? У нас нет армии. Нет оружия. Нет...

— Есть, — перебил Костя. — У нас есть люди. Есть тоннели. Есть время. Три недели. Это много. Если использовать правильно. Мы укрепим оборону. Соберём людей. Научим их драться.

— А Сумеречные? — спросил другой член совета. — Крылов использует их. Он заманивает их в города. Оставляет тела. Чтобы они превращались в монстров. Мы не сможем бороться с ними.

— Сможем, — сказал Костя. — Анна. Расскажи.

Анна встала. Бледная. С папкой в руках. Смотрела на них. Долго. Потом начала. Медленно. Чётко.

— Сумеречные — это не монстры, — сказала она. — Это люди. Мёртвые люди. Бактерия. Она есть у всех нас. У вас. У меня. У всех. Она спит. Пока мы живы. Когда мы умираем — она активируется. Берёт контроль над телом. Мутирует его. Делает Сумеречным. Убить их можно только одним способом — повредить мозг. Размозжить голову. Тогда бактерия погибает. Тогда Сумеречный умирает. Навсегда.

Совет молчал. Смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них был страх. И что-то ещё. Понимание.

— Но есть одно, — продолжила Анна. — То, что мы не знали. То, что они скрывали. — Она открыла папку. — У нового поколения есть иммунитет. Не у всех. Не полностью. Но есть. Те, кто родился после войны. У них бактерия не активируется так, как у нас. Она остаётся спящей. Дольше. Иногда — навсегда. Это значит, что Сумеречных становится меньше. Медленно. Но становится. И через поколение. Может, через два. Они исчезнут. Совсем. Навсегда.

Совет молчал. Долго. Потом кто-то сказал:

— Это... это надежда.

— Да, — сказала Анна. — Это надежда. Но Крылов знает это. Он был на базе. Он видел эти документы. Он знает, что Сумеречные исчезают. Но он не хочет, чтобы они исчезли. Он хочет использовать их. Пока они есть. Пока они опасны. Пока они — оружие. Он хочет войны. Он хочет власти.

— Знаю, — сказал Костя. — Поэтому мы должны остановить его. Не только мечом. Правдой. Знанием.

Совет молчал. Потом Эдвард сказал:

— Что ты предлагаешь?

— Готовиться, — сказал Костя. — Укреплять оборону. Собирать людей. Учить их драться. И ещё одно. — Он помолчал. — Мы должны рассказать всем. Всем городам. В «четвёрке». В «пятёрке». В «шестёрке». Везде. Люди должны знать правду. О Сумеречных. Об иммунитете. О будущем. Они должны знать, что есть надежда. Что они не одни. Что мы вместе. Что мы будем драться.

Совет кивнул. Медленно. Неохотно. Но кивнул. Они не верили. Не могли верить. Слишком много смертей. Слишком много потерь. Слишком много всего. Но они хотели верить.

— Хорошо, — сказал Эдвард. — Мы сделаем это. Но ты поведёшь нас. Ты — лидер. Ты — сын Максима. Ты — надежда. Мы пойдём за тобой.

Костя кивнул. Он не улыбнулся. Не сказал красивых слов. Он просто кивнул. И вышел из кабинета.

Ночью он сидел на краю платформы. Смотрел в темноту тоннеля. Думал. Мэри пришла. Села рядом. Взяла за руку.

— Ты готов? — спросила она.

— Нет. Но я пойду.

— Я знаю. — Она положила голову ему на плечо. — Я пойду с тобой.

— Нет. Ты останешься. Кто-то должен заботиться о городе.

— Костя...

— Это не обсуждается. — Он посмотрел на неё. — Я не могу потерять тебя. Как потерял отца. Я не могу.

Мэри молчала. Потом кивнула.

— Хорошо. Но ты вернёшься. Слышишь? Ты вернёшься.

— Вернусь, — сказал он. — Обещаю.

Он не знал, сдержит ли обещание. Но он хотел верить. Он должен был верить.

Часть III. Война

Глава 7. Ополчение

Костя начал с малого.

Он собрал всех, кто мог держать оружие. Их оказалось меньше, чем он надеялся. Тридцать семь человек. Мужчины. Женщины. Подростки. Все, кто хотел драться. Все, кто умел. Или думал, что умеет.

Он вывел их в старый тоннель — тупиковый, безопасный, достаточно широкий. Там они начали.

Костя не был военным. Не учился в академии. Не командовал армиями. Но он помнил. Всё, чему учил его отец. Как держать меч. Как целиться. Как перезаряжать. Как ходить тихо. Как слушать. Как ждать. Он передавал это им. Медленно. Терпеливо. Как когда-то передавали ему.

— Первое правило, — говорил он. — Не геройствуйте. Герои умирают первыми. Второе — слушайте команды. Если я говорю «назад» — вы идёте назад. Не спрашиваете почему. Просто идёте. Третье — не паникуйте. Если запаникуете — умрёте. И убьёте других. Поняли?

— Поняли, — отвечали они нестройно.

— Не слышу.

— Поняли!

— Хорошо. Начнём с основ.

Он учил их всему. Как держать копьё. Как бить щитом. Как уклоняться. Как падать. Как вставать. Как не бояться. Он не был мягким. Не был жестоким. Он был требовательным. Как отец. «Если ты делаешь что-то — делай это правильно. Или не делай вообще».

К концу первой недели они умели держать оружие. Не стрелять метко. Не драться как солдаты. Просто держать. Это было начало.

Параллельно он отправил гонцов.

Трое. Молодые. Быстрые. Знающие тоннели. Они ушли на рассвете. С письмами. К городам. «Четвёрка». «Пятёрка». «Шестёрка». В письмах было всё. Правда о Сумеречных. Бактерия. Мутация. Иммунитет. И предложение. Союз. Общая оборона. Общая армия. Общая война против Крылова.

— Ты думаешь, они ответят? — спросил Эдвард.

— Не знаю, — сказал Костя. — Но мы должны попробовать. Мы не можем драться одни. Нам нужны союзники. Нам нужны все. Кто может держать оружие. Кто хочет жить. Кто готов бороться.

— А если они откажутся?

— Тогда мы будем драться одни. Как всегда.

Эдвард кивнул. Он не спорил. Он знал: бесполезно. Костя уже решил. Он всегда решает сам.

Анна работала в медпункте.

Она не была врачом. Не была учёной. Но она читала. Всё, что нашла на базе. Все документы. Все исследования. Она пыталась понять. Как работает бактерия. Как её замедлить. Как её остановить. Не только убить Сумеречного. Но и предотвратить его появление. Она не спала ночами. Не ела днём. Она работала.

— Ты убиваешь себя, — сказал ей Костя однажды.

— Я знаю, — сказала она. — Но если я не буду — кто будет? Ты? Ты не умеешь. Ты умеешь драться. А я умею читать. Думать. Искать. Это моё оружие. Как твой меч.

Костя смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них была усталость. И что-то ещё. Решимость. Та самая, которую он видел у отца. У всех, кто дрался. Он кивнул.

— Хорошо. Но отдыхай. Иногда. Это приказ.

— Слушаюсь, милорд, — сказала она с усмешкой. И вернулась к бумагам.

Мэри взяла на себя организацию.

Она не умела драться. Не умела читать документы. Но она умела говорить с людьми. Убеждать. Успокаивать. Организовывать. Она ходила по городу. Собирала женщин. Стариков. Детей. Тех, кто не мог воевать. Но мог помочь. Готовить еду. Шить одежду. Ухаживать за ранеными. Делать всё, что нужно. Она была как Фат. Только без меча. Только с добротой. С терпением. С любовью.

— Ты уверена, что справишься? — спросил Костя.

— Справлюсь, — сказала она. — Я не ты. Я не умею воевать. Но я умею жить. Это тоже важно. Может, важнее.

Костя кивнул. Он не спорил. Он знал: она права. Все правы. Каждый на своём месте. Каждый делает то, что может.

Через две недели пришли первые ответы.

От «четвёрки». От «пятёрки». От «шестёрки». Они согласились. Не сразу. Не легко. Но согласились. Они тоже устали. Тоже боялись. Тоже хотели жить. Они прислали людей. Оружие. Припасы. Они прислали надежду. Слабую. Едва заметную. Но надежду.

Костя стоял у ворот. Смотрел на колонну. На людей. На оружие. На жизнь, которая шла своим чередом. Он думал: это началось. То, чего он хотел. То, чего он боялся. То, что должно было случиться. Война. Настоящая. Кровавая. Последняя. Но теперь он был не один. Теперь их было много. Теперь они были вместе.

— Готов? — спросил Эдвард.

— Нет. Но я пойду.

— Тогда пошли. — Эдвард улыбнулся. Слабо. Горько. — Кто-то же должен прикрывать твою спину.

Они пошли. В город. К людям. К войне.

Но война не ждала.

В ту же ночь прибежал разведчик. Молодой. Бледный. С трясущимися руками. Он влетел в кабинет, даже не постучав.

— Милорд! — закричал он. — Они идут! Крыловские! Много! С факелами! В верхних тоннелях!

Костя встал. Медленно. Опираясь на палку. Посмотрел на него. Долго. Потом сказал:

— Сколько?

— Не знаю. Много. Больше, чем мы думали. Намного больше.

Костя кивнул. Он не удивился. Он ждал этого. Знал, что Крылов не будет ждать три недели. Знал, что он придёт раньше. Знал, что он хочет застать их врасплох.

— Поднимайте всех, — сказал он. — Ополчение. Союзников. Всех, кто может держать оружие. Через час — на стенах.

Он вышел из кабинета. В коридор. В город. Люди уже просыпались. Слышали шум. Видели бегущих разведчиков. Понимали. Без слов. Без объяснений. Они знали, что война пришла.

Костя поднялся на стену. Ту самую, которую они укрепили. Из старых досок. Из камней. Из всего, что нашли. Она была невысокой. Ненадёжной. Но она была. Это было что-то. Хоть что-то.

Томас стоял рядом. Смотрел в темноту.

— Видишь? — спросил он.

— Вижу.

Факелы приближались. Много. Сотни. Они двигались по тоннелю. Медленно. Ровно. Как река. Как армия. Как смерть.

Костя смотрел на них. Долго. Потом сказал:

— Мы не будем ждать. Мы ударим первыми.

— Что? — Томас посмотрел на него. — Они идут к нам. У нас стены. Оборона. Мы можем...

— Они идут сюда. К городу. К нашим семьям. К нашим детям. Если мы будем ждать — они войдут. И убьют всех. Мы должны остановить их здесь. В тоннеле. Пока они не подошли близко. Пока они не поняли, что мы готовы.

— Это опасно.

— Знаю. Но это единственный способ. Мы не можем драться в городе. Слишком много людей. Слишком много домов. Мы должны драться в тоннеле. В узком месте. Где они не смогут развернуться. Где они не смогут использовать численность. Где мы будем равны.

Томас молчал. Долго. Потом кивнул.

— Хорошо. Я с тобой.

Костя собрал ополчение. Тридцать человек. Плюс союзники. Ещё двадцать. Пятьдесят. Против сотен. Может, тысяч. Он смотрел на них. На их лица. На их глаза. В них была усталость. И страх. И что-то ещё. Решимость.

— Мы идём в тоннель, — сказал он. — Мы ударим первыми. Мы остановим их. Или умрём. Но мы не пропустим их в город. Поняли?

— Поняли! — ответили они.

— Не слышу.

— Поняли!

Костя кивнул. Он не улыбнулся. Не сказал красивых слов. Он просто кивнул. И повёл их в тоннель. В темноту. В бой. Который должен был решить всё.

Глава 8. Первая кровь

Засада не сработала.

Костя понял это через минуту после начала боя. Крыловские не шли колонной, как он рассчитывал. Они рассыпались по тоннелю — по двое, по трое, прячась за выступами стен, за ящиками, за обломками бетона. Они знали, что их ждут. Знали, где именно. Кто-то предупредил их. Или они просто оказались умнее, чем думал Костя.

Первые стрелы убили троих. Потом крыловские ответили — плотно, точно, без паники. Болт ударил в стену рядом с головой Кости, высек каменную крошку. Он пригнулся. Заорал:

— Вперёд! Не дайте им закрепиться!

Ополченцы выскочили из укрытий. Пятьдесят человек против сотен. Они ударили в центр тоннеля, разрезая крыловских надвое. На секунду показалось, что получается. Крыловские дрогнули, попятились. Костя рубился в первых рядах, забыв про боль в ноге, про палку, которую бросил где-то за спиной. Он видел только врагов. Только лица. Только смерть.

А потом заработал арбалетчик.

Он стоял наверху — на погрузочной платформе, метрах в пяти над полом. Костя не заметил его сразу. Арбалетчик бил короткими очередями, методично, без спешки. Первый болт попал в Джона — молодого разведчика, который шёл рядом с Костей. Джон упал, схватился за грудь, захрипел. Второй болт — в женщину из «пятёрки», которую Костя не знал по имени. Она упала молча.

Костя закричал. Не от ярости — от бессилия. Он не мог достать арбалетчика. Не мог подняться на платформу. Не мог даже прикрыть своих.

— Томас! — заорал он. — Сними его!

Томас выстрелил. Промахнулся. Арбалетчик сменил позицию. Выстрелил снова. Ещё один ополченец упал.

Костя рванулся к лестнице. Хромота мешала — он спотыкался, хватался за стены. Он почти добежал, когда арбалетчик заметил его. Повернулся. Прицелился.

Болт ударил в плечо — в то самое, раздробленное. Костя упал. Мир на секунду стал белым от боли. Он лежал на полу, смотрел в потолок, слышал крики, звон металла, чью-то ругань. И думал: всё. Конец. Как у отца. Как всегда.

Но арбалетчик не стал добивать. Он развернулся — и получил стрелу в спину. Откуда-то снизу. От Мэри. Она стояла в десяти шагах, с арбалетом в руках, бледная, с трясущимися губами, но с твёрдым взглядом. Арбалетчик упал с платформы. Грохнулся о пол. Затих.

Костя поднялся. С трудом. Кровь текла по руке, по пальцам, капала на бетон. Он не чувствовал боли. Только злость. На себя. На Крылова. На весь мир.

— Вперёд! — заорал он. — Добиваем!

Ополченцы ударили с новой силой. Крыловские дрогнули — теперь уже по-настоящему. Кто-то побежал. Кто-то бросил оружие. Кто-то продолжал драться, но уже без веры. Через полчаса всё было кончено.

Костя стоял посреди тоннеля. Тяжело дышал. Смотрел на тела. На своих. На чужих. Он не считал. Боялся считать.

Томас подошёл. Бледный. С окровавленным мечом.

— Мы победили, — сказал он.

— Победили, — сказал Костя.

— Но это только начало. Крылов пришлёт ещё. Больше. Сильнее.

— Знаю.

— Что будем делать?

Костя помолчал. Посмотрел на Мэри. Она стояла в стороне, всё ещё сжимая арбалет. Руки у неё дрожали. По щекам текли слёзы. Она смотрела на него. Молчала.

— Мы похороним наших, — сказал Костя. — Потом соберём совет. Потом будем готовиться.

Он подошёл к Мэри. Взял её за руку. Она вздрогнула, но не отстранилась.

— Ты спасла меня, — сказал он.

— Я спасла себя, — сказала она. — Если бы ты умер — я бы тоже умерла.

Он хотел улыбнуться. Не смог. Слишком устал. Слишком болело плечо. Слишком много смертей.

— Пошли, — сказал он. — Надо работать.

Они пошли. В город. К людям. К жизни. Которая продолжалась. Несмотря ни на что.

Но когда Костя вернулся в кабинет, когда сел за стол, когда остался один — он закрыл лицо руками. И сидел так долго. Дольше, чем нужно. Дольше, чем позволял себе. Он думал: я чуть не убил их всех. Я повёл их в бой, не зная, что нас ждут. Я не проверил. Не подумал. Не подготовился. Я — плохой лидер. Хуже отца. Хуже всех. Я не должен был соглашаться. Не должен был брать на себя. Не должен был...

Он не услышал, как вошла Мэри. Она села рядом. Обняла его. Молча. Долго.

— Ты не виноват, — сказала она тихо.

— Виноват.

— Нет. Ты сделал то, что должен был. Ты остановил их. Ты спас город. Ты спас нас. Всех.

— Я потерял людей.

— Ты всегда будешь терять людей. Это война. Это не твоя вина. Это просто война.

Костя молчал. Он не верил. Не мог верить. Но он хотел верить. Как всегда.

— Мне страшно, — сказал он вдруг. Тихо. Так тихо, что она едва услышала.

— Что?

— Мне страшно. Каждый день. Каждую минуту. Я боюсь, что не справлюсь. Что подведу. Что потеряю всех. Что останусь один. Как тогда. В подвале. Когда отец ушёл и не вернулся.

Мэри прижала его крепче.

— Ты не один, — сказала она. — Я здесь. Я всегда буду здесь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он закрыл глаза. И впервые за много дней позволил себе просто быть. Не лидером. Не солдатом. Просто человеком. Который боится. Который устал. Который хочет, чтобы кто-то был рядом.

Глава 9. Цена

Джон умер к утру.

Костя узнал об этом от Григорьева — старый врач вошёл в кабинет, не постучав, и просто сказал:

— Тот парень. Молодой. С простреленной грудью. Не выжил. Кровь в лёгких. Я ничего не смог сделать.

Костя сидел за столом. Смотрел на бумаги. Не поднял головы. Не сказал ничего. Григорьев постоял. Потом вышел.

Через час Костя пошёл в лазарет.

Джон лежал на койке у стены. Накрытый холстом. Костя отогнул край. Посмотрел на его лицо. Молодое. Двадцать лет. Может, девятнадцать. Веснушки. Открытые глаза. Как будто удивлённый. Как будто не верил, что это случится с ним.

Костя стоял. Долго. Потом сказал:

— Прости. Я должен был тебя прикрыть. Я не смог.

Он накрыл лицо обратно. Вышел.

Похороны были через день. На холме. За городом. Под старым дубом. Они выдолбили нишу в стене — камнями, ломами, руками. Положили тела. Двадцать три человека. Двадцать три имени. Костя стоял у ниши. Смотрел. Молчал.

Мэри подошла. Взяла за руку. Молчала.

Потом Костя сказал:

— Я знал их не всех. Джона знал. Остальных — нет. Но я их повёл. Я их выбрал. Я сказал: идите. Они пошли. И умерли.

— Они знали, на что шли, — сказала Мэри.

— Знали. Но это не делает меня менее виноватым.

Она не стала спорить. Знала: бесполезно.

После похорон Костя собрал совет.

Он вошёл в кабинет. Сел во главе стола. Посмотрел на них. На их лица. На их глаза. В них была усталость. И страх. И что-то ещё. Он не мог понять что. Может, злость. Может, разочарование. Может, всё сразу.

— Двадцать три, — сказал он. — Мы потеряли двадцать три человека. Ещё двенадцать ранены. Трое — тяжело. Григорьев говорит, двое не выживут.

Совет молчал. Потом Эдвард сказал:

— Мы знали, что будут потери.

— Знали. Но не такие. Я думал, мы справимся лучше. Я думал, я справлюсь лучше. Я ошибся.

— Ты не ошибся, — сказал Ричард из «четвёрки». — Ты остановил их. Если бы ты не пошёл — они были бы здесь. В городе. Убивали бы наших детей. Ты сделал то, что должен был.

Костя посмотрел на него. Долго. Потом сказал:

— Может быть. Но это не делает меня лучше. Я не герой. Я не спаситель. Я просто человек. Который делает ошибки. Который теряет людей. Который не умеет...

Он замолчал. Не договорил.

Совет молчал. Потом Эдвард сказал:

— Что теперь?

— Теперь мы готовимся. К следующему разу. К следующему бою. К следующей войне. Мы не можем остановиться. Не можем расслабиться. Крылов не остановится. Он придёт снова. С большим войском. С большей злостью. Мы должны быть готовы.

— А если мы не готовы?

— Тогда мы умрём. Все. До последнего.

Совет молчал. Потом Ричард сказал:

— Ты уверен, что мы справимся?

— Нет, — честно сказал Костя. — Я ни в чём не уверен. Я не уверен, что мы победим. Я не уверен, что я справлюсь. Я не уверен, что мы выживем. Но я знаю одно: мы будем драться. Потому что не можем иначе. Потому что если мы сдадимся — они победят. А мы не можем этого допустить.

Совет кивнул. Медленно. Неохотно. Но кивнул.

После совета Костя пошёл на завод. Не как лидер. Как сварщик. Он взял маску. Электрод. Начал варить. Металл плавился. Искры летели. Он работал. Долго. До вечера. Потом снял маску. Посмотрел на свою работу. На шов. Ровный. Крепкий. Надёжный. Как он сам. Как его отец.

Мэри пришла вечером. Села рядом. Молчала. Долго. Потом сказала:

— Ты не должен винить себя.

— Должен.

— Нет. Ты сделал то, что должен был. Ты остановил их. Ты спас город.

— Я потерял двадцать три человека.

— Ты спас триста. Может, больше. Если бы ты не пошёл — они были бы здесь. В городе. Убивали бы наших детей. Наших стариков. Наших женщин. Ты сделал то, что должен был. Как всегда. Как твой отец.

Костя молчал. Он не верил. Не мог верить. Слишком много смертей. Слишком много потерь. Но он хотел верить. Как всегда.

— Я не хочу быть лидером, — сказал он тихо. — Я не хочу решать. Кто живёт. Кто умирает. Я не хочу...

— Знаю, — сказала Мэри. — Но ты — лидер. Ты — сын Максима. Ты — тот, кто может. Ты просто не знаешь. Но ты можешь.

Он посмотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них была любовь. Настоящая. Глубокая. Он кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я попробую. Ещё раз. Как всегда.

Он вернулся в город. В кабинет. К бумагам. К картам. К войне. Которая продолжалась.

Дверь открылась. Вошла Анна. Бледная. С папкой в руках. Смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Я нашла кое-что. В документах. То, что мы пропустили. То, что может помочь.

— Что? — спросил Костя.

— Бактерия. Она активируется после смерти. Но есть способ замедлить её. Не остановить. Замедлить. Чтобы человек не превращался сразу. Чтобы у нас было время. Чтобы мы могли похоронить его. Или сжечь. Или сделать что-то. Чтобы он не стал Сумеречным.

Костя смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. В них была усталость. И что-то ещё. Надежда. Настоящая. Глубокая.

— Как? — спросил он.

— Огонь, — сказала Анна. — Кремация. Если сжечь тело сразу после смерти — бактерия погибает. Не активируется. Человек не превращается. Он просто... уходит. Навсегда.

Костя молчал. Он думал. О тех, кто умер. О тех, кого они похоронили. В земле. В холме. Под дубом. Они не сжигали их. Они хоронили. Как всегда. Как христиане. Как люди. Но они не знали. Не знали, что бактерия активируется. Что тела могут превратиться. Что они могут стать Сумеречными. Они не знали. Теперь знали. Слишком поздно. Но знали.

— Мы должны рассказать всем, — сказал он. — Всем городам. Всем людям. Они должны знать. Чтобы сжигать тела. Чтобы не хоронить. Чтобы не создавать Сумеречных.

— Знаю, — сказала Анна. — Я уже написала. Письма. Готовы. Можно отправлять.

Костя кивнул. Он не улыбнулся. Не сказал красивых слов. Он просто кивнул. И взял письма. И начал читать. Медленно. Вслух.

Глава 10. Письма

Анна написала пять писем.

Одно — в «четвёрку». Одно — в «пятёрку». Одно — в «шестёрку». Одно — в «двойку», хотя Костя сомневался, что там кто-то остался. И одно — в «единицу», о которой никто ничего не знал уже много лет. Может, её не существовало. Может, там были только руины и Сумеречные. Но Костя сказал: отправь. На всякий случай. Вдруг кто-то жив.

Письма были короткими. Анна умела писать коротко. Она не тратила слов на красоты. Она объясняла: бактерия, мутация, иммунитет, кремация. Она писала, что Крылов идёт войной на всех. Что он использует Сумеречных как оружие. Что он знает правду — и скрывает её. Она писала: мы не просим вас воевать. Мы просим вас знать. И решать самим.

Костя прочитал каждое письмо. Медленно. Вслух. Иногда останавливался, хмурился, просил переписать. Анна переписывала. Терпеливо. Как всегда.

— Ты уверен, что это сработает? — спросила она, когда он закончил.

— Нет, — сказал Костя. — Но я уверен, что если мы не попробуем — не сработает точно.

Он отправил гонцов на рассвете. Трое. Молодые, быстрые. Томас — в «четвёрку». Питер — в «пятёрку». Джон — в «шестёрку». Костя смотрел им вслед, пока они не скрылись в тоннеле. Потом вернулся в кабинет. Сел за стол. Уставился в стену.

Он не умел ждать. Никогда не умел. В бою — мог. В засаде — мог. Но здесь, в тишине кабинета, когда ничего не зависело от него, — не мог. Он вставал, ходил из угла в угол, садился, снова вставал. Мэри приносила чай — он забывал пить. Приносила еду — он забывал есть.

— Ты с ума сойдёшь, — сказала она на третий день.

— Уже сошёл.

— Тогда сядь. И жди. Как все.

Он сел. Но не успокоился.

Ответы пришли через неделю.

Первым вернулся Томас. Усталый, голодный, с ободранными в кровь коленями — в темноте налетел на обломок бетона. Но живой. С ним было двое незнакомых: мужчина лет сорока, крепкий, с седой бородой и шрамом через лоб, и молодая женщина с цепким, внимательным взглядом.

— Ричард, — представился мужчина. — Из «четвёрки». Это Мэг. Мы пришли, чтобы помочь.

Костя посмотрел на них. На их лица. На их руки. На их глаза. В них была усталость. Та самая, которую он видел в зеркале каждое утро.

— Почему вы пришли? — спросил он. — Вы нас не знаете. Вам нечего с нами делить.

— Крылов идёт на всех, — сказал Ричард. — Не только на вас. Мы слышали. Мы знаем. Если он победит вас — он придёт к нам. Мы просто хотим встретить его вместе. А не по очереди.

Костя кивнул. Он не улыбнулся. Не сказал красивых слов. Он просто кивнул.

— Тогда добро пожаловать. У нас много работы.

Питер вернулся через два дня. С ним было пятеро из «пятёрки». Молодые, злые, готовые драться. Они принесли оружие — мечи, копья, арбалеты. Немного. Но достаточно.

— «Пятёрка» согласна, — сказал Питер. — Они пришлют ещё. Позже. Когда смогут.

Джон вернулся последним. Через четыре дня. Раненый — стрела в плечо. Но живой. С ним было трое из «шестёрки». Они выглядели хуже всех: бледные, худые, напуганные. Но они пришли.

— «Шестёрка» согласна, — сказал Джон. — Они пришлют ещё. Позже. У них там проблемы. Сумеречные. Бандиты. Всё сразу.

Костя кивнул. Он смотрел на них. На всех. На тех, кто пришёл. На тех, кто остался. На тех, кто умер. И думал: мы не одни. Мы вместе. Мы можем. Мы справимся.

Совет собрался через час.

Восемь человек. Плюс новые. Ричард. Мэг. Командиры из «пятёрки» и «шестёрки». Все сидели за длинным столом. Смотрели на Костю. Ждали.

Костя стоял. Хромой. Раненый. Усталый. Смотрел на них.

— Теперь нас больше, — сказал он. — Теперь у нас есть союзники. Оружие. Люди. Мы можем драться. По-настоящему. Не только обороняться. Но и наступать. Бить их там, где они не ждут.

— Что ты предлагаешь? — спросил Эдвард.

— Мы ударим первыми. — Костя обвёл их взглядом. — Крылов думает, что мы будем сидеть в «тройке». Ждать. Бояться. Он ошибается. Мы пойдём к нему. В «двойку». Мы ударим по его базе. По его складам. По его людям. Мы покажем ему, что мы не боимся. Что мы не сдадимся. Что мы будем драться.

Совет молчал. Долго. Потом Ричард сказал:

— Это опасно. Очень. Мы можем не вернуться.

— Знаю.

— Мы можем погибнуть. Все.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Костя помолчал. Посмотрел на них. На их лица. На их глаза. В них была усталость. И страх. И что-то ещё. Надежда. Слабая. Едва заметная. Но надежда.

— Потому что кто-то должен. Потому что если не мы — то кто? Потому что если мы не будем драться — они победят. И тогда всё, что мы сделали, всё, через что мы прошли, всё, что мы потеряли, — будет зря. Я не могу этого допустить.

Совет молчал. Потом Эдвард кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.